

ЭТИ строки я начал писать без расчета на публикацию — просто как заметки, сугубо личное восприятие сегодняшнего крайне сложного и напряженного дня. Однако потом мне подумалось: а ведь не я один ломаю голову над всем этим — так почему бы не поделиться раздумьями с читателями «Труда»?

«...Хотите иметь миллион?» — искушает обольстительная теледидва, приглашая всех участвовать в очередной лотерее. В самом деле — хотел ли бы я иметь миллион, даже не один? Что бы я делал с ними? Ну, допустим, пошел бы с друзьями в ресторан и легко заплатил бы за обед десять тысяч. А как потом? Вышел бы из ресторана, румяный от стола с изысканными яствами и марочной выпивкой, и увидел бы на улице старушку, у которой в авоське — один-единственный батон, может быть, все ее довольствие на целый день. Как тогда быть с совестью?

Сегодня, когда вокруг так много нищеты, быть богатым как-то совестно. Даже если деньги заработаны тобою честно. За годы «социализма» нас приучили довольствоваться малым. Даже наши сановные казнокрады в так называемый застойный период, за редким исключением, старались не роскошествовать на виду у всех, стыдливо прятали от людей свое изобилие, маскируясь под этику социальной справедливости. Нет, что ни говорите, а к богатству тоже нужно привыкнуть...

Во Франции одного нашего прославленного футболиста в телевизионной передаче спросили, есть ли у него свой самолет, своя вилла на Черноморском побережье. Он искренне удивился и ответил, что ничего этого у него нет, да и не нужно ему: летает он, как все. Рейсами Аэрофлота, отдыхает тоже, как все, в санаториях (увя, сегодня этого — «как все» — уже не снамешь!).

Довольствоваться малым — это наша «специфика». Для человека же, живущего в капиталистическом обществе, такая

Николай Доризо:

«ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ МИЛЛИОНЕРОМ...»

психология не только нелепа, но и опасна — она лишает его стимула для обогащения, для предприимчивости.

КТО из нас не зачитывался в детстве сказкой Юрия Олеши «Три толстяка»? Кто не видел на плакатах пузатого капиталиста в цилиндре, с золотой цепью на брюхе и с сигарой во рту: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй» — В. Маяковский. Но оказалось, что до последнего дня, который был уготован нами «буржую», весьма далеко...

...В Венту я приехал ночью на машине. У ворот многоэтажного красавца отеля, где я должен был поселиться, меня встретил маленький сухонький старичок. Услужливо открыл ворота, помог поставить машину, потом оформил мне номер и выдал ключи. Наутро, завтракая в ресторане отеля, я увидел его снова, требовательно следившего за работой официантов и отдававшего им короткие команды.

— Что за вездесущий старичок! — спросил я у моего переводчика. — Ночью он сторожит и портье, утром — мэтр в ресторане...

— Это хозяин гостиницы.

Ни разу, живя в наших гостиницах, причем куда менее комфортабельных, чем этот венский отель, бывая в наших ресторанах, я что-то не встречал директора гостиницы, помогающего приезжему ночью поставить машину в удобное место, оформляющего прописку, выдающего ключи от номера. Что-то не встречал я директора ресторана, который бы целый день с утра до позднего вечера был бы на ногах, находилась в зале, следил за тем, что и как подают посетителям, как их обслуживают. Обычно я встречал директоров, надежно скрытых от посетителей полированными стенами

комфортабельных кабинетов, бдительно охраняемых секретаршами. Это — при социализме. Как-то не вяжется образ венского старичка, труженика-миллионера, с образом обжоры и бездельника, запомнившегося мне с детства по старым революционным плакатам...

— Вы хорошие, — сказал как-то в беседе со мной немецкий магнат, владелец нескольких отелей и ресторанов, кстати, безупречно владеющий русским языком. — Социализм куда добрее капитализма. Есть у вас в Москве ресторан «Прага». Зашел я как-то туда пообедать. Пустой зал. В углу за столиком празднично судачат о чем-то молодые официанты. Жду полчаса — никто ко мне не подходит. Зову мэтра. А он мне говорит: «Это ресторан, а не забегаловка. Так что, товарищ, если вы уж пришли сюда, сидите и ждите, когда вас обслужат». «Вы ошибаетесь, — говорю я ему, — я вам не товарищ, а господин, приехавший из ФРГ, где у меня, к слову, пять таких ресторанов. И если бы хоть один мой мэтр или официант так ответил посетителю, то через пять минут я бы выгнал его, и вряд ли после этого он пробился бы в любой другой ресторан. Добрая у вас система...».

А я подумал: к кому же она добрая, наша система? К работникам ресторана, которых она развращает вседозволенностью? К нам, посетителям, ее пасынкам? Как ни печально, но факт: у них хозяин ресторана работает в поте лица, чтобы его гость почувствовал себя как дома, хозяином. У нас же и не владелец даже — «просто» директор, заведующий чувствует себя полновластным хозяином, перед которым мы — жалкие

просители, чье достоинство он может безнаказанно попирает.

ДЛГИЕ годы мы считали, что капитал — это «беспощадная эксплуатация чужого труда», и забывали о том, что капитал — это прежде всего денежный и ношный, зачастую поистине каторжный труд плюс способности, талант, а порой и гений предпринимателя-производителя. Потому и дорога капиталисту каждая копейка, заработанная и его трудом, пущенная в дело.

...Вернувшись из Америки, Борис Полевой рассказал мне забавную историю, которая попала на страницы нью-йоркских газет. Сын миллиардера Рокфеллера получал от отца на школьные завтраки небольшие суммы, не превышающие те мелкие деньги, которые получали его одноклассники — дети небогатых родителей.

«Ты же сын Рокфеллера, — сказали ему однажды ребята. — Пойдем наедемся вдоволь мороженого. Нет у тебя денег — неважно, отцу пришьют счет». Через пару дней отец спрашивает: «Ты был в кафе с товарищами? Вы ели там мороженое?». «Ели», — отвечает сын. «А в кондитерской ели в долг пирожные?». «Ели», — отвечает сын. «Там вот, — говорит отец, — я погашу твой долг. Но пока ты не вернешь мне заплаченную мной сумму, будешь получать на завтраки вполонину меньше, чем до сих пор...».

Кто-то иронически усмехнется: слышали мы, мол, сказки об этих миллиардерских штучках. А я думаю все о том же: что не только сам миллиардер, но и его отец, и дед вложили в наследственный капитал дома Рокфеллеров свой огромный труд, начав дело буквально с нуля, свой предпринимательский талант (вспомним романы Теодора Драйзера), создали своего рода державу — опору государства. Мог ли отец допустить, чтобы эта держава доста-

лась сынку-мону, не знающему цену копейке, сынку, который может пустить на ветер труд нескольких поколений?

И вот что еще представляет мне особенно важным: Рокфеллеры, Форды, Моргань, обогащая себя, обогащают и государство, свой народ — новыми заводами, железными дорогами, рудниками. Что-то не очень похоже на будущих капиталистов наши здоровенные парни, торгующие повсюду водкой, пивом и другой магазинной выпивкой и снедью, ничего не производящие, а по сути обворовывающие государство и нас с вами...

Семьдесят пять лет мы «строили социализм». Сможем ли мы с нашей уродливой психологией, с привычкой зарабатывать, не утруждая себя, построить цивилизованное общество трудяг-предпринимателей и наемных работников-профессионалов? Многие годы мы призывали к борьбе с «пережитками капитализма». Сможем ли мы за год или за два ликвидировать пережитки социализма в нашем сознании? Я задумываюсь над тем, какой расчет тому же директору ресторана, который и без того неплохо живет за дубовыми стенами своего кабинета, быть настоящим хозяином этого ресторана — не приворовывать, а работать в поте лица, следить за работой официанта и повара, внимательно реагировать на каждую просьбу гостя, жить с вечной опаской разориться, не выдержав конкуренции? Да не нужно ему все это — он прекрасно прижился, пригнулся к социализму...

Нелегко избавиться от родимых пятен социализма и тем нашим людям, кто везжает в поисках лучшей жизни «за бугор». Один из таких советских

удальцов — предпринимателей, устроившись работать на бензополонке, в первый же день с гордостью «позадавал» хозяина, что сумел обчислить водителей на столько-то долларов.

— Да я с тобой всех своих клиентов растеряю, — всполошился хозяин и выгнал его за порог с «волчьим билетом».

КОНЕЧНО, капиталист капиталисту рознь. Во все времена бывало и так, что капитал начинался с преступления. В «Угрюм-реке» у Шишкова первое золото династии Громовых, омытое кровью ближнего на большой дороге, перешло от деда к внуку, который каторжным трудом рабочих, но и таким же собственным сказочно приумножил этот капитал, преобразив со свойственной ему напористостью, жесткостью и безбратственностью подвластный ему сибирский край. Представим себе теперь хищника нашей теневой экономики, сумевшего нажить себе состояние преступным путем. Будет ли он, сумеет ли он работать, не покладая рук, как капиталист Громов-младший? Сомневаюсь. Наш вор умеет только воровать, но не трудиться. И если он, к примеру, скупит за наворованные деньги крупные наделы земли, то вряд ли государство будет иметь отдачу от этих наделов — неумение быть трудолюбивыми, рачительными и толковыми хозяевами разоряло даже самых богатых землевладельцев-аристократов...

Как же нам всем, а особенно молодым, необходимо сегодня желание и умение работать! Иначе общество наше может стать «свободным» от всего, как тот божь, который живет нищенски, но трудиться не желает.

Нет, от нынешних наших бед не вылезешь одними проклятиями в адрес прежней изжившей себя системы. Независимо

от лозунгов, идей и программ, которые мы сегодня провозглашаем, и как бы ни отрешивались и ни отшатывались мы от социализма — факт остается фактом: мы родились и воспитались в том обществе, мы — плоть от плоти того образа жизни. Мы терпеливы, нетребовательны к жизни — «по-социалистически». Да, в годы Великой Отечественной войны мы воевали мужественно — по-социалистически. Но мы и воруем — по-социалистически. И бездельничаем — тоже. Завидуем разбогатевшему честным трудом соседу-фермеру, да так, что можем поджечь его дом, и это также — по-социалистически...

Для нас с нашей семидесятилетней психологией «коллективизм»-потребителей построить капитализм труднее, чем после Октября было строить социализм. Не понимая этого, от экономических реформ нельзя ждать никакого проката.

Описывая взятие Зимнего, изменившее в одно историческое мгновение лик России, Маяковский писал: «Дул, как всегда, октябрь ветрами, рельсы по мосту вызмеив. Гонку свою продолжали трамваи — уже при социализме». Такова была воображение поэта. Социализма мы так и не построили. Не думаю, что вскорости в один прекрасный день мы проснемся «уже при капитализме». Но о каком бы общественном строе мы ни говорили — будущее России зависит от нас с вами, от того, сумеем ли мы стать честнее, инициативнее, трудолюбивее.

Мне вспомнилось, к слову, изящное и меткое определение Бернарда Шоу: «Счастье — как хлеб. Его имеют право потреблять лишь те, кто его производит». Какое бы ни было общество, дело в конце концов не в «изма», но просто «потребители счастья», не приложившие к нему рук, никогда не сделают это общество процветающим.